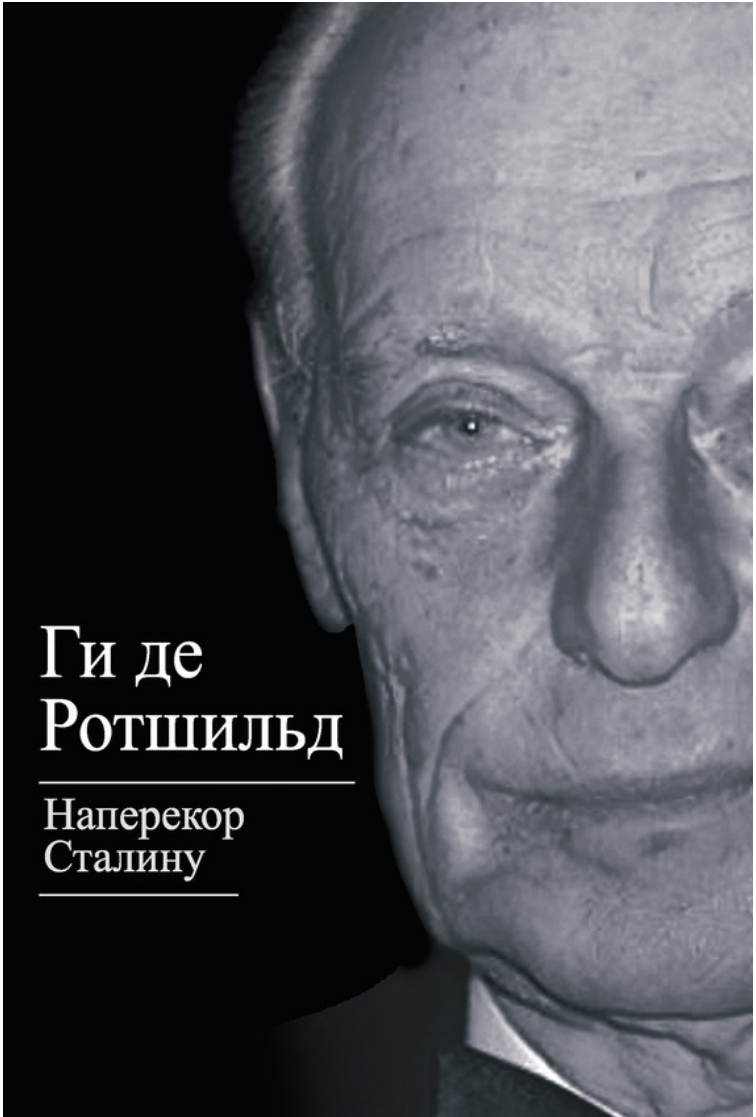

Ги де Ротшильд

Наперекор Сталину

Ги де Ротшильд
Наперекор Сталину
Серия «Титаны XX века»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6058330
Наперекор Сталину: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0263-3

Аннотация

Автор этой книги барон Ги де Ротшильд – банкир, член финансовой династии Ротшильдов. Он был председателем совета директоров банка de Rothschild Freres, владел имуществом в других французских и иностранных компаниях. Многие считают, что Ротшильды и сегодня правят миром, оставаясь одной из самых могущественных финансовых групп (ее общее состояние в 2012 году оценивалось в размере 1,7 триллиона долларов). Так ли это, на чем основывается богатство Ротшильдов, как они ведут дела, какова их роль в международной политике, как складывается их личная жизнь? И конечно, при чем здесь советский вождь Иосиф Сталин? Обо всем этом Ги де Ротшильд рассказывает в своей книге. Сразу после своего выхода она стала бестселлером на Западе, а теперь доступна русскоязычному читателю.

Содержание

Вместо предисловия 4
Мой отец и моя мать 10
Дом Ротшильдов 22
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ги де Ротшильд
Наперекор Сталину

Вместо предисловия
Семья Ротшильдов

Династия Ротшильдов, известная также как Дом Ротшильдов, ведет свое начало с Майера Амшеля Ротшильда (1744–1812). Фамилия происходит от внешнего вида эмблемы ювелирной мастерской, принадлежавшей Анхелю Мозесу Бауэру (отцу Майера Амшеля Ротшильда), эмблема мастерской представляла собой изображение золотого римского орла на красном щите. Со временем мастерскую так и стали называть «Красный щит». Позже его сын взял себе фамилию по названию мастерской «Красный щит» или «Rotschield».

Родившись в еврейском квартале между городской стеной и рвом, Майер Амшель построил банковский бизнес и расширил свою империю, послав пять своих сыновей в европейские столицы. Имея сыновей, рассеянных по всей Европе, каждый из которых стоял во главе банкирского дома, семья Ротшильдов с легкостью могла убедить любое правительство, что ему следует продолжать выплачивать долги,

иначе против страны должника будет применена сила в соответствии с «политикой силового равновесия».

Братья могли финансировать обоих участников конфликта, тем самым обеспечивая себе не только выплату долгов должником, но и создание огромных состояний финансированием войны.

В то же время Майер Ротшильд создал новый тип международной фирмы, который был защищен от антисемитских бунтов. В 1819 году, как будто для демонстрации того, что недавно приобретенные еврейские права до сих пор иллюзорны, антисемитское насилие вспыхнуло во многих частях Германии. Эти погромы включали в себя и штурм дома Ротшильдов во Франкфурте. Это ничего не изменило, так же как и последующая атака во время революции 1848 года.

* * *

Существенной частью стратегии Майера Ротшильда для будущего успеха было сохранение контроля над бизнесом в руках династии, позволяя ее членам поддерживать полную свободу действий как в размере богатств, так и в их деловых достижениях.

В 1906 году еврейская энциклопедия отметила: «Инициированная Ротшильдом практика учреждения нескольких отделений фирмы, управляемых братьями, в различных финансовых центрах была перенята другими еврейскими фи-

нансистами, такими как Bischoffsheims, Pereires, Seligmans, Lazards и другие, и эти финансисты, посредством их надежности и финансового опыта, получили доверие не только от еврейских собратьев, но и от всего финансового сообщества в целом. Тем самым еврейские финансисты получили увеличенную долю в международных финансах в течение середины и последней четверти XIX века. Эта практика подражает royal and aristocratic technique *(англ.)* (члены одной королевской семьи женятся на членах другой королевской семьи), которая также позже была скопирована другими династиями предпринимателей, например, такой, как династия Дюпонов».

Майер Ротшильд успешно сохранил богатство внутри семьи, тщательно организуя браки по расчету, включая браки между двоюродными и троюродными родственниками (чтобы накопленное имущество осталось внутри семьи и служило общему делу), хотя в конце XIX века почти все Ротшильды начали заключать браки за пределами семьи, обычно с семьями аристократов или других финансовых династий.

* * *

К началу Наполеоновских войн (1803–1815) Ротшильды уже обладали значительным богатством, и сын Майера Ротшильда – Натан Майер Ротшильд добился значительного преимущества в торговле слитками золота. Находясь в Лон-

доне в период с 1813 по 1815 год, он финансировал перевозку слитков золота для армии герцога Веллингтона, пересекавшей Европу, также как организовывал оплату британских субсидий для континентальных союзников. В 1815 году Ротшильд в одиночку выдал заем британским континентальным союзникам в суммарном размере £9,8 миллиона (в ценах 1815 года).

Братья координировали деловую активность Ротшильдов по всему континенту, и семья развила сеть из агентов, поставщиков и курьеров для транспортировки золота. Семейная сеть также обеспечивала Натана Ротшильда политической и финансовой информацией раньше всех, давая ему преимущества времени на финансовых рынках, тем самым делая дом Ротшильдов еще более неоценимым для британского правительства.

В 1817 году Ротшильды получили дворянство, а в 1822 году – баронский титул и теперь использовали фамильную приставку «де» или «фон» (в немецком варианте) как указание на аристократическое происхождение. Их герб был украшен девизом: Concordia. Integritas. Industria (Согласие. Честность. Трудолюбие).

* * *

Возведение в дворянство изменило стиль жизни Ротшильдов. Они приобрели роскошные дворцы, стали давать

великолепные обеды, на которые съезжались представители аристократических кругов многих стран. К концу XIX века семья Ротшильдов обладала, по наименьшей оценке, более 40 дворцами, соизмеримыми или даже превосходящими по роскоши дворцы богатейших королевских семейств.

Когда в начале Второй мировой войны австрийские и французские Ротшильды были вынуждены эмигрировать в США, все их дворцы, отличавшиеся исключительными размерами, огромными коллекциями картин, доспехов, гобеленов и статуй, были конфискованы и разграблены нацистами. В 1999 году правительство Австрии согласилось вернуть Ротшильдам ряд дворцов и 250 предметов искусства, конфискованных нацистами и отданных в государственный музей.

Но даже войдя в аристократическую элиту Европы, Ротшильды всегда помнили о своих еврейских корнях, – семейные архивы Ротшильдов говорят, что в течение всего лишь одного десятилетия 1870-х годов семья жертвовала около 500 000 франков ежегодно от лица восточных евреев для Всемирного еврейского союза (Alliance Israélite Universelle).

Барон Эдмон Джеймс де Ротшильд был главой первого поселения в Палестине в Ришон-ле-Цион – он выкупил у оттоманского землевладельца часть земель, которые в настоящее время составляют Израиль. В Тель-Авиве есть улица, названная в честь Эдмона де Ротшильда – Rothschild Boulevard, – так же как и во многих других районах Израиля,

где он помогал со строительством: в Метуле, Зихрон-Яакове и Рош-Пинне.

Ротшильды сыграли значительную роль в установлении инфраструктуры израильского правительства. Джеймс финансировал строительство Кнессета в качестве подарка еврейскому государству, а здание Верховного Суда Израиля было подарено Израилю Дороти де Ротшильд.

* * *

Многие считают, что Ротшильды и сегодня правят миром, оставаясь одной из самых могущественных финансовых групп. Общее состояние группы в 2012 г. оценивали в 1,7 триллиона долларов.

По словам английской газеты The Daily Telegraph: «Эта международная банковская династия является символом богатства, власти – и свободы действий. Имя Ротшильдов стало синонимом власти и денег такой величины, которой больше нет ни у какой другой династии».

А в свое время Майер Ротшильд так подвел итог своей стратегии: «Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела, кто создает ее законы»…

По материалам Ральфа Эпперсона и публикаций во Всемирной электронной энциклопедии

Мой отец и моя мать

Мой отец, Эдуард де Ротшильд, был на шестнадцать лет старше моей матери. Высокий, стройный, с тонкими правильными чертами лица, с орлиным профилем, он отличался какой-то особой, лишь ему присущей элегантностью. И это не относилось только к его одежде, хотя здесь уж он был педантом и не расставался с крахмальными воротничками никогда, исключения составляли лишь охота и игра в гольф. Его манеру одеваться нельзя было охарактеризовать однозначно – он не был ни старомодным, ни франтом: представить себе его стиль в одежде можно, подчеркнув, что это было некое особое сочетание оригинальности, простоты и традиционности, составлявшее в конечном итоге его особый «шик», присущий только ему и не имевший в основе ничего смешного, обязательного или формального. Так, например, из уважения к традиции он продолжал председательствовать на общем собрании «Компани дю Нор», будучи облаченным в старомодный редингот, который не носили с конца XIX века!

Он сохранял также свои привычки, которые для тех, кто его не знал, могли показаться его дурачествами и желанием выделиться. Единственный, он разъезжал по Парижу до середины 30-х годов на старом электромобиле, этом доисторическом монстре, напоминавшем большое незапряженное

ландо: шофер сидел в нем, как кучер на козлах, и перед ним не было ничего.

Одной из наиболее примечательных черт моего отца была его спиритическая способность проникновения в природу вещей и явлений. Так, он мог, к примеру, представив себе обожаемого им Наполеона I, вступить с ним в воображаемую беседу и невозмутимо произнести: «Наполеон мне сказал, что…»

Что же касается кардинальных жизненных вопросов, таких как честь семьи, защищать которую он считал своим долгом, или борьба с антисемитизмом, то в этих вопросах он был непоколебим, честь была для него первой заповедью. Пару раз, оскорбленный антисемитами, он дрался на дуэли, к счастью, без последствий…

Я никогда не задавал отцу вопросов о том, какова его роль в банке на улице Лаффит, не имел понятия о том, что там происходит и что он там делает. Это полное отсутствие информации могло показаться даже подозрительным, но, с другой стороны, если бы что-то произошло, мы все равно узнали бы об этом хотя бы по каким-то обрывочным слухам. Как бы то ни было, моему изумлению не было предела, когда, пройдя военную службу, я пришел работать в банк и увидел там отца совсем другим, не таким, каким он был дома. Он часто гневался на своих сотрудников, хотя их исполнительность была несомненной, отсутствие собственной инициативы в делах – очевидным, а покорность отцу – полной.

Но все равно он опасался того, что даже при такой пассивности сотрудников где-то да проскользнет какая-то не согласованная с ним инициатива, что будет что-то сказано или сделано вопреки ему или в дела вкрадется какая-нибудь ошибка, последствия которой навек скомпрометируют «Дом Ротшильдов». Такая позиция отражала, без сомнения, его собственную внутреннюю борьбу между сознанием необходимости действовать и страхом ошибиться. Я чувствовал себя неловко от такого поведения отца и принял раз и навсегда решение полагаться в жизни прежде всего на себя самого.

Со мной отец на работе и дома неизменно оставался таким, каким я его всегда знал, нежным и приветливым, и я постепенно привык к тому, что в нем уживаются как бы два разных человека: деловой человек, который всегда начеку, и отец, терпеливый и великодушный.

После молниеносно проигранной кампании 1940 года я нашел в эмиграции в Америке уже совсем пожилого человека, в том возрасте, когда бессмысленно упрекать за прошлые слабости. Оставаясь непоколебимым в своем видении мира отец, после возвращения во Францию становился день ото дня все более рассеянным и мечтательным. Видно было, что ему все труднее становится бороться со старческими недугами. Умер он в 1949 году в возрасте восьмидесяти одного года.

* * *

Моя мать, Жермена Альфен, происходила из состоятельной буржуазной семьи французских евреев. Черноглазая брюнетка, она имела некоторую тенденцию к полноте и поэтому всю жизнь ограничивала себя в еде. Она не была мечтательницей и твердо стояла обеими своими ножками на земле. Она была по природе практична и твердо держала бразды правления всем нашим хозяйством в своих руках.

Для моих сестер и для меня авторитетом и воплощением родительской воли была в первую очередь мать. Она была властной по природе и стремилась навязать нам свое видение мира. Даже в лицее я не получил той свободы, которой обычно пользуются лицеисты. Моя мать, например, в императивной форме, не допускавшей никаких возражений, требовала, чтобы ни при каких обстоятельствах я не ходил в лицей один. Мало того, что меня отвозили на машине, меня еще сопровождал «выездной лакей». В полдень, когда я возвращался из лицея пешком, выполняя ежедневные «упражнения для ног» – моцион, предписанный мне матерью, – тот же самый лакей приходил за мной, а потом, после второго завтрака, провожал меня обратно в лицей! Странная навязчивая идея моей матери – встречать и провожать меня – объяснилась для меня только через десятки лет, когда я задал ей вопрос о причинах этой непонятной тревоги:

– Ну сейчас, наконец, можешь сказать мне, чего ты все-таки боялась? – спросил я.

И она ответила мне с наивной прямотой, немного смутившись:

– Да, конечно, я боялась, что тебя могут изнасиловать!

Я вспоминаю еще об одной «идее-фикс» моей матери, рожденной, без сомнения, из тех же опасений. Однажды, когда мне было лет десять-двенадцать, я пошел на каток один. Когда я вернулся, мама спросила меня: «Скажи, ты там не познакомился с какими-нибудь дамами? Ведь ты понимаешь, что они могли и не знать того, что ты еще совсем мальчик!»…

Лишь достигнув восемнадцатилетнего возраста и став взрослым и независимым в глазах моей матери, я смог наладить непринужденные отношения с ней, но мои сестры всю жизнь продолжали страдать от ее постоянной опеки. И хотя основным мотивом в ее отношениях с дочерьми была забота о них, там были и другие подсознательные мотивы: через дочерей она хотела реализовать то, чего ей самой в жизни не хватало, а не хватало ей легкости и непринужденности существования, окруженности миром художников и музыкантов.

По правде говоря, в течение всех 30-х годов в окружении моих родителей было немало художников и музыкантов. Альфред Корто, Яша Хейфец, Иегуди Менухин, Владимир Горовиц часто посещали наш дом. Близким другом семьи был Артур Рубинштейн. Бойкий молодой человек, живший

в маленьком домике на улице Равиньян на Монмартре – он казался заядлым холостяком, пока не привез из Польши красавицу Неллу. Много лет спустя их дети продолжали регулярно посещать мою мать. Еще совсем недавно моя жена и я слушали с упоением бесконечные истории из жизни Артура, которые буквально сыпались из него и которые он рассказывал так выразительно и с таким юмором, что нельзя было не подпасть под его неизменное обаяние.

Мама скрупулезно исполняла все обязанности светской жизни: писать, отвечать, составлять списки приглашенных, приглашать, принимать, выезжать. Для человека просвещенного, свободного от условностей, сознательно приверженного моральным ценностям, она была как-то странно зависима от той роли, которую она, по ее понятиям, должна была играть в обществе. Она принимала с присущей ей элегантностью в льстящей ей обстановке, среди богатейших коллекций предметов искусства и старины, собранных нашей семьей, и хоть она и старалась не показывать этого, чувствовалось, что ей это льстит.

Если она вдруг чувствовала, что ее роли королевы-матери что-то угрожает или просто опасалась даже такой возможности, то могла стать агрессивной. Когда моя жена и я, после реставрации, вновь открыли двери замка Феррьер и давали там свой первый прием, я вдруг услышал от матери, меж двух улыбок вежливости, ворчливые замечания с критикой по поводу вкуса реставрационных работ, проведенных

без ее участия. Все, что ускользало от ее бдительного внимания, вызывало в ней плохо скрываемое раздражение, легко объяснимое с учетом ее властной натуры…

Не будучи в полном смысле так называемой «интеллектуалкой», она была открыта для самых разных знаний. Вечная ученица, прилежная и внимательная, она принимала у себя разных «гуру» от философии, живописи, музыки… Увлекшись учением какого-нибудь очередного гуру, она всякий раз теряла критическое начало и свято верила каждому его слову. Учиться и познавать новое было для нее всегда удовольствием. В молодости она попробовала свои силы в пении, но безуспешно. А в восемьдесят лет она решила брать уроки плавания!

Она много читала, особенно с тех пор, как овдовела и стала чаще оставаться дома одна. Больше всего она любила читать классиков литературы или книги по детской психологии.

Она написала две книги, одну – о жизни Бернара Палисси, иллюстрированную его лучшими работами из коллекции моего отца, другую, по совету своего зятя Гриши Пятигорского, – о Луиджи Боккерини. (Гриша, большой весельчак, говоривший всю жизнь с заметным русским акцентом, потерял свою семью на родине, в России. Он обрел в нас новую семью, называл нашу маму *Бабушка* – так впоследствии стали называть ее и мои дети. Гриша предпочитал жить в Америке; они с моей сестрой Жаклин обосновались в Лос-Ан-

джелесе.)

Наша мама, любимая и уважаемая в обществе за элегантность манер, за великодушие в дружбе и за безупречное поведение, – эта гранд-дама умерла в возрасте девяноста одного года, после четырех лет тяжелой болезни.

* * *

Сегодня это может показаться удивительным, но меня нисколько не волновало то, что я был сыном Ротшильда.

Причиной этого был иной, нежели сегодня, менталитет, ибо тогда быть богатым и иметь деньги не было зазорно. Богатые строили замки, покупали предметы искусства и старины, словом, жили на широкую ногу и не боялись казаться тем, кем были, – богатыми людьми. Они не чувствовали себя виноватыми, ибо никто и не думал осуждать их лишь за то, что они богаты.

Социальные различия между людьми в то время были гораздо более ощутимы, нежели сегодня, но я их гораздо меньше ощущал, потому что общественные иерархии выстраивались тогда не только и не столько по денежным меркам. Во времена, когда царило относительное спокойствие, каждый инстинктивно стремился занять ту социальную нишу, которая была ему ближе всего. «Светские люди», например, – никто не вкладывал тогда в это выражение того фривольного оттенка, какой оно приобрело сегодня, – осознавали

свою привилегированность, стремились быть более «воспитанными», более «изысканными», более «рафинированными». И поэтому даже сам миф о Ротшильдах, в котором соединились деньги, роскошь и власть, представлялся несколько иным, нежели сегодня.

Уже моим детям в лицее или в университете приходилось слышать нечто такое на этот счет, о чем мне не доводилось слыхивать. Да и по правде говоря, мне тоже не суждено было вечно пребывать в неведении по поводу своей привилегированности. Настал день, когда я вдруг понял, что мои отец и мать – король и королева этого небольшого привилегированного мира. Я вдруг увидел в новом свете элегантность моего отца, туалеты моей матери, их экипажи и выезды, эту толпу людей, которые зависели от них, крутились вокруг них, всю эту роскошь, которой дышала их жизнь.

Когда я переступил через порог своего восемнадцатилетия, мне открылся новый мир – мир светской жизни. Я никогда не забуду первого большого обеда, который давали мои родители и на котором мне было дозволено присутствовать. Почетным гостем был Раймон Пуанкаре, а всего, как обычно, было около сорока приглашенных.

Когда мне на глаза попались меню наших обедов тех времен, я не поверил своим глазам: начинали двумя супами – одним прозрачным и другим – протертым; на закуску – яйца или рыба; потом дичь – куропатка, фазан или заяц; затем – жаркое с соусами и овощами, и это не считая холодных мяс-

ных закусок и салатов! Наконец, два сладких блюда, потом сыры и фрукты. Вина, красные и белые, бордо и бургундское, шампанское, крымские вина, не говоря об аперитивах, всегда подавались в изобилии…

Во фраке и белом галстуке я должен был, как и все остальные приглашенные на обед мужчины, вести свою соседку по столу в обеденную залу, предложив ей левую руку. Но в этот момент я забыл, какую руку я должен подать своей даме. Меня охватила паника, и я стал озираться по сторонам, ища глазами маму. Она сразу поняла меня и раскрыла мне один маленький секрет: подавая даме руку, помни о том, что твоя правая рука всегда должна быть свободной, чтобы в любой момент ты, как кавалер, мог обнажить свою шпагу, чтобы защитить слабую женщину!..

В тот момент, когда бывший Президент Республики уводил мою бедную «беззащитную» мамочку в обеденную залу, полностью игнорируя ее «секрет», она склонилась ко мне и прошептала: «I would like to be elsewhere» – «Я предпочла бы сейчас оказаться не на этом месте». Да, воистину робость не была основной чертой ее характера!..

* * *

Из всех материнских уроков я лучше всего усвоил урок скромности. В конце 1980 года один американский журналист бросил с юмором камешек в мой огород. Я только что

дал пресс-конференцию в Нью-Йорке по поводу ходатайства «Joint Distribution Committee», на которой мне был задан вопрос о проблемах евреев во Франции. По этому случаю я не преминул заметить, что меня уже несколько раз переизбирали на новые сроки президентом «Объединенного фонда социальной поддержки евреев» со значительным перевесом голосов по отношению к другим кандидатам. На следующий день, просматривая газеты, я наткнулся на насмешливый комментарий: «Ротшильду присуща скромная манера говорить нескромные вещи».

Сегодня я размышляю о своем воспитании совсем не для того, чтобы судить моих родителей. Они были более, чем внимательны, и наше благополучие, счастье, здоровье были для них превыше всего; они были нашей лучшей опорой, их любовь и нежность к нам были безграничны. Они направляли нас в учебе, следили за нашим физическим развитием, они развивали в нас морально-этические, религиозные и гражданские начала в меру своего понимания вещей.

Но у всякой медали есть оборотная сторона. Часто там, где следовало быть строгими, они были снисходительны, а там, где нужна была суровость, они были слишком либеральны.

Вместо того, чтобы заставлять нас не просто ждать от них подарки, но уметь заслуживать их, родители испортили нас до крайности, избаловав нас.

В отличие от многих, я никогда не испытываю ностальгии

по своему детству. И если даже иногда мне доводится сожалеть об ушедшей молодости, то лишь потому, что мне хотелось бы многое начать сначала, и сделать это лучше, чем я сумел раньше. Но я всегда с ужасом отбрасываю от себя даже мысль о том, что вновь окажусь в своем детстве, и это несмотря на праздники и все то волшебное великолепие, которое я храню в уголках своей памяти. Должен сказать, что прекрасные стихи Райнера Марии Рильке: «О, почему я не дитя, хотел бы стать им снова я…» – звучат всегда для меня несколько странно.

Дом Ротшильдов

В 1931 году я переступил порог здания номер 19 на улице Лаффит – я пришел работать к «Братьям Ротшильдам».

Банк был акционерным обществом, действовавшим от имени коллективного юридического лица; его совладельцами были, помимо моего отца, два моих дяди, Эдмон и Робер. Основанный в 1817 году моим прадедом Джеймсом, банк был изначально французским отделением того европейского Дома Ротшильдов, который основал Майер Амшель и его пятеро сыновей, «франкфуртцев». Давно уже прекратили свое существование неаполитанское и франкфуртское отделения, было близко к краху и венское отделение, что объяснялось глубоким затяжным кризисом в Центральной Европе. И только лондонское и парижское отделения Дома Ротшильдов имели прочное положение.

Рождение и удивительный взлет Дома Ротшильдов в XIX веке были уже для моих современников не более чем легендой прошлого. Огромное состояние моей семьи, созданное благодаря исключительной успешности финансовых операций моих предков, вошло в пословицу и навеки стало связанным с самим именем Ротшильдов. Эта легендарность имени оставляла в тени те реальные усилия, которые были вложены в дело Ротшильдов поколениями их дедов и отцов. Как всегда, за деревьями леса не видать… Но я вырос в этом «се-

рале», и, конечно, гораздо лучше мог представить себе, что же составило величие и репутацию моего прадеда Джеймса и его сына, моего деда, Альфонса.

Вопреки легенде, состояние Ротшильдов отнюдь не связано с разгромом Наполеона. Действительно, начиная с 1815 года Джеймс помогал Виллелю, премьер-министру Людовика XVIII, собрать деньги на знаменитый «миллиард для эмигрантов», заем, предназначенный частично компенсировать им тот ущерб, который был нанесен в результате грабежей и конфискаций в эпоху Революции. Но звездный час Джеймса настал в 1818 году, когда Франция подписала конвенцию с Австрией, Пруссией, Россией и Англией, согласно которой она принимала на себя обязательства по выплате ущерба физическим и юридическим лицам, пострадавшим от Наполеоновских войн. Общая сумма выплат должна была составить 240 800 000 франков (примерно 26 миллиардов французских франков 1982 года). Джеймс в ту пору был еще молод – ему было всего двадцать шесть лет, к тому же он тогда только что приехал жить во Францию. Но он взял на себя размещение заемных средств, необходимых французскому правительству для выполнения подписанной конвенции. Он предложил правительству условия куда более выгодные, нежели те, которые пытался навязать Франции финансист Лаффит. Благодаря Джеймсу, Виллелю удалось, начиная с 1823 года, осуществить весьма выгодную конверсию этого займа, за что он публично в самых хвалебных словах благодарил Джеймса.

Благодаря этому успеху, неутомимой деятельности и незапятнанной репутации, Джеймс фактически обеспечил себе положение монополиста в области крупных европейских государственных займов, общая сумма которых исчисляется двенадцатью миллиардами золотых франков, прошедших через руки Джеймса за всю его профессиональную деятельность.

Джеймс не забывал и о том, что во Франкфурте в XVIII веке его отец и все его предки были коммерсантами еще до того, как стать финансистами, и он не упускал случая продолжить их традицию. Он приобрел месторождения ртути в Альмадене, в Испании; он послал своих агентов в Калифорнию и в Мексику закупать драгоценные металлы, необходимые для выплавки европейских монет. Более того, он организовал чеканку монет по заказам ряда государств, таких как Пьемонт и Королевство обеих Сицилии. Он организовал закупку хлопка в Новом Орлеане, перепродавая его в Гавре. На Кубу, в Пуэрто-Рико и в Манилу он посылал своих агентов для закупки табака, который затем продавал различным европейским правительствам…

Как и большинство деловых людей, Джеймс предпочитал держать бразды правления в своих руках, контролировать все звенья в цепи своих дел. Он стал судовладельцем, чтобы его же суда возили его товары – среди судов его флота был трехмачтовик «Феррьер», один из самых красивых и современных для той эпохи кораблей французского торгового

флота.

Что же касается промышленной сферы, то здесь Джеймс тяготел к операциям «повышенного риска». Он взял на себя смелость поддержать инициативу молодого человека, Эмиля Перейре, служившего в банке в качестве «маклера по операциям с ценными бумагами за границей». Страстный сторонник строительства железной дороги из Парижа в Сен-Жермен, он сумел убедить Джеймса в целесообразности этого проекта, и настолько, что Джеймс впоследствии всегда выступал за это новое тогда средство передвижения. Это была эпоха, когда многие еще смотрели на изобретателей железной дороги как на изобретателей «забавной игрушки», когда многие инженеры и ученые (взять хотя бы Араго) заявляли, что пассажиры железнодорожных поездов будут задыхаться в туннелях, и когда Тьер отверг с парламентской трибуны этот проект, казавшийся ему опасным и нереальным. Но Джеймс решил не отступать и сделал смелый, новаторский для того времени ход: он создал для строительства и эксплуатации железной дороги «Компани дю Нор», вложив в нее в основном свой капитал; до самой смерти он оставался председателем совета директоров компании и определял ее финансовую, промышленную и социальную политику…

Его щедрость очень скоро вошла в пословицу, и, как очень метко выразился Прево-Пародоль, «милосердие и благотворительность Джеймса достойны его состояния». Он не мог оставаться равнодушным к чужому горю. Он признавался,

что, ложась вечером в постель, не может заснуть, если знает, что не помог в беде тому, кому мог бы помочь. Так, в 1847 году во Франции случился неурожайный год, и цена пшеницы возросла неимоверно. Тогда Джеймс скупил на бирже все долговые бумаги с гарантиями российского правительства, которые только сумел найти, и предложил царю обменять их на пшеницу и на облигацию в пятьдесят миллионов франков, помещенную на депозит «Банк де Франс». Эта операция была чрезвычайно выгодна для России, и царь Николай I ее немедленно принял. Тогда Джеймс собрал всех торговцев пшеницей и предложил им постепенно снижать цены, получая от него доплату в виде компенсации. Когда Джеймс умер, газеты написали, что в конечном итоге он потерял на этой операции одиннадцать миллионов, но… заработал тринадцать.

* * *

Джеймс всю жизнь прожил в вере своих предков и неукоснительно защищал своих единоверцев. Он сумел добиться отмены пошлины, которой облагались евреи при пересечении границ немецких княжеств внутри Германии. Он сам в ранней молодости переживал неоднократно этот позор, и впоследствии говорил об этой пошлине, что «она была куда более унизительной для тех, кто ее ввел, нежели для тех, кто от нее страдал».

Чувство семейной солидарности было в нем чрезвычайно развито. Он взял его себе за правило и сделал *согласие* в семье и в делах первой заповедью для Ротшильдов. Не случайно в девизе Ротшильдов «Concordia, Integritas, Industria» («Согласие, Честность, Трудолюбие») слово «согласие» стоит на первом месте не только по алфавиту, но и по сути. Вместе со своим братом Соломоном Джеймс любил вспоминать о том, как старый Майер призвал к своему смертному одру своих детей, пять сыновей и пять дочерей и сказал им:

«Мой отец, прежде чем благословить нас перед смертью, наказал нам жить по Божьему закону и считать всех людей братьями. Он призвал нас делать людям на Земле добро по мере наших сил, без различия их веры и обычаев. Он взял с нас клятву, что мы будем жить в мире и согласии и все вместе продолжим созданное им дело. Он напомнил нам известную притчу о вожде скифов, который на своем смертном одре призвал к себе своих сыновей и показал им колчан, набитый стрелами, предложив сломать пучок плотно связанных стрел. Каждый из сыновей попытался сломать пучок стрел, и ни одному это не удалось. Тогда отец рассыпал пучок и показал сыновьям, как просто сломать одну стрелу за другой. «Так и вы, до тех пор, пока вы будете вместе, вы будете сильны, а в день, когда вы расстанетесь и отдалитесь друг от друга, наступит конец вашему благополучию и процветанию». (Джеймс впоследствии включил в свой баронский герб пять

стрел. Эти пять стрел стали эмблемой «Банка Ротшильдов» вплоть до национализации в 1968 году.)

Прочность связей между Джеймсом и его четырьмя братьями была нерушимой. Известно, сколь тесно сотрудничали пять европейских отделений банка Ротшильдов (курьерская служба Джеймса была самой быстрой и оперативной во всей Европе; его служба информации считалась самой эффективной. Но это не мешало братьям-банкирам соблюдать все меры предосторожности: письма писались на иврите и (в пути может всякое случиться!) никогда не подписывались…

Джеймс умер в 1868 году. Десять тысяч человек, от сильных мира сего до простых смертных, провожали его в последний путь. Люди шли за гробом, похоронный кортеж растянулся на два километра, парализовав на два часа движение по бульварам Парижа. Напечатанные в газетах сообщения о смерти Джеймса содержат признания его заслуг, в них воздается хвала его добродетели, честности, справедливости, а также отмечается его скромность, выразившаяся, в частности, и в том, что перед смертью Джеймс выбрал похороны по второму разряду: все очень просто, никакой пышности (какой контраст с похоронами умершего незадолго до Джеймса его друга композитора Россини!), простой катафалк, без всяких украшений, который везли всего две черных лошади.

Его наследник, мой дед Альфонс, родившийся и выросший в Париже, не познал в детстве суровой атмосферы гетто и получил блестящее французское образование во всех

его тонкостях. Банк в эпоху, когда он стал его директором и хозяином, был в апогее могущества и славы. Несколько лет спустя и у моего деда появился шанс продемонстрировать одновременно свою компетентность и свой патриотизм: Тьеру, после поражения Франции в 1870 году, нужен был государственный заем в размере пяти миллиардов для выплаты Германии в качестве контрибуции. Альфонс вместе со своим другом, министром финансов Леоном Сэем, мобилизовал все силы и ресурсы; Альфонс очень помог быстро решить финансовые проблемы: заем окупился в пятикратном размере, став одним из самых блестящих примеров в нашей финансовой истории. Сам Альфонс подписался почти на половину займа, а именно – на два миллиарда сто пятьдесят миллионов [франков]!

Оставаясь верным традиции национальной солидарности евреев, Альфонс, по зрелом размышлении, отказался от сотрудничества со своим лучшим «клиентом», царской Россией, правительство которой он считал виновным в организации кровавых погромов.

* * *

Незадолго до Первой мировой войны Дом Ротшильдов разделился на отдельные национальные Дома, которые, особенно с 1918 года, выбрали для себя в разных странах различные ориентации.

Лондонский Дом стал называться «Merchant Bank». Специализацией этого банка стало кредитование промышленности под залог ценных бумаг и активов. Кроме того, этот банк стал крупнейшим центром финансового консалтинга, посредником и промоутером финансово-промышленных проектов и технологий. К этому «Н. М. Ротшильд и сыновья» присовокупили деятельность по аффинажу золота и заняли в этой области господствующее положение. И сегодня курс золота каждый день определяется в бюро Ротшильдов в Нью-Корте, на Сан-Суизин-Лейн, в двух шагах от Банка Англии. Не следует забывать, что Сити в Лондоне было центром мировой финансовой жизни до того момента, пока в период между двумя войнами Нью-Йорк не перехватил у него эту инициативу.

Парижский Дом Ротшильдов, напротив, был связан с финансовым рынком в более узкой сфере, являя собой скорее провинциальный для экономики начала XX века тип банка. Предшествовавшее мне поколение Ротшильдов взяло управление банком в свои руки менее чем за десять лет до Первой мировой войны. В 1914 году ему была предоставлена возможность возродить былую славу на операции, типичной для банка Ротшильдов в XIX веке. Вскоре после начала военных действий французское правительство стало искать возможности крупного займа в долларах. Оно обратилось к банку Морганов, который предпочел иметь дело с французскими Ротшильдами, а не с французским государством. Но

на этот раз «Братья Ротшильды» не только ничего не заработали на операции, но провели ее с дебитным сальдо, поглотившим их кредитные средства: они перевели долларовый заем на государственные счета Франции, не взяв за это, с учетом сложностей, переживаемых французской экономикой из-за войны, никаких комиссионных.

Всегда и при всех обстоятельствах мой отец хотел оставаться бескорыстным слугой своего отечества – Франции. Вильфрид Баумгартнер как-то рассказал мне, что в течение 1920-1930-х годов, когда он был директором Государственного Казначейства (называвшегося тогда «Движением Фондов»), ему пришлось столкнуться с серьезным кризисом неплатежей, которые он не мог погасить в нужные сроки. Тогда он обратился к моему отцу, и тот, с присущим ему великодушием, ссудил Казначейству требуемую сумму.

Но с 1918 года мир стал иным, сотрясаемым инфляцией и разрушением денежной системы. Поколение моего отца стало постепенно терять почву под ногами. Оно развивалось и росло в условиях исключительной стабильности цен и зарплат, которая продолжалась сорок четыре года, а именно, с 1870 по 1914 год. Это был Золотой век, когда курс валюты не претерпевал никаких существенных изменений и когда не существовало налога на прибыль.

Но уже Джеймс сталкивался с тем, что надо уметь постоянно приспосабливаться к меняющимся экономическим и финансовым условиям, и постоянно размышлял об этом, ес-

ли верить свидетельствам эпохи. Так, он не принимал и не одобрял теорий, которые в эпоху Второй Империи назывались «неосенсимонистскими», и не одобрял настолько, что даже до определенной степени свернул деятельность банка на период всеобщего увлечения финансистов этими теориями. Он не верил в «народный капитализм», особенно в его финансовое обоснование, и по этому случаю даже написал трактат, в котором предупредил об опасности этой моды, предрекая крах банков «Креди мобилье» в Австрии и во Франции.

Но в целом деятельность банка Ротшильдов до 1918 года охватывала многие сферы европейской экономики. После 1918 года, напротив, ремесло государственных банкиров Европы, коими являлись в течение полутора веков Ротшильды, стало не под силу одному частному банкирскому дому.

* * *

Банк, начиная с 1817 года, размещался в особняке на улице Артуа, позднее переименованной в улицу Лаффит в память о знаменитом финансисте, председателе Совета и министре финансов при Луи-Филиппе. Совпадение его имени с названием нашего семейного виноградника Шато-Лафит чисто случайное и, как это видно, не подкреплено орфографией. Здание, приобретенное моим прадедом Джеймсом, некогда принадлежало королеве Гортензии. Джеймс жил здесь

всю свою жизнь, и вплоть до сноса этого особняка, в 1968 году, еще можно было видеть комнату, в которой он умер; все в ней бережно сохранялось, как при его жизни. Со временем Джеймс купил соседние с особняком здания и, таким образом, помещения банка занимали дома под номерами 19, 21 и 23 по улице Лаффит…

Вся деятельность банка развертывалась вокруг так называемого «большого бюро». Оно представляло собой просторную прямоугольную комнату с пятью окнами, выходившими на улицу. Между окнами перпендикулярно к стене стояли высокие вместительные столы с конторками, предназначенные для «ассоциированных членов», которые сидели, таким образом, друг за другом.

Сюда, в «большое бюро», приходили служащие банка, посетители, информаторы и маклеры, чтобы получить инструкцию руководителей банка, изложить им свое дело, посоветоваться. Даже если один из ассоциированных членов обладал большими, чем другие его коллеги, авторитетом и полномочиями, организация оставалась абсолютно коллегиальной, и хотя каждый имел персональный кабинет, он удалялся туда только для решения каких-то вопросов личного характера.

В 1931 году, когда моя работа в банке только начиналась, некоторое оживление в «большом бюро» было по утрам и вновь возобновлялось после закрытия биржи. Во времена Джеймса там, напротив, постоянно царили суматоха и ли-

хорадочное передвижение: бесчисленные посетители приходили по самым разнообразным делам, они сами пытались что-то предложить или же послушать, что им скажет этот необыкновенный и властный человек, безраздельно господствовавший здесь надо всем и всеми.

Отец Жоржа Фейдо, который работал на улице Лаффит при Джеймсе, так описывает атмосферу банка:

«Надо было видеть, как все в огромном здании банка подчинялось движению волшебной палочки его главы! Какой дивный порядок повсюду! Как послушны и умны служащие! Какое примерное повиновение сыновей своему отцу! Какое чувство субординации! Какое уважение… Не думаю, что в мире найдется еще один банковский дом, где все вещи были бы расположены столь же упорядочение, в столь же идеальном порядке, были бы столь же тщательно подобраны, отвечали хорошему тону и респектабельности. Во всем чувствовалось, что дело поставлено с размахом, что богатство нажито кропотливым трудом и все здесь основательно; каждый руководитель службы здесь человек высокопорядочный, чистота в помещениях радует глаз; и, наконец, более чем за пятнадцать лет, что я работал в банке, за исключением, быть может, нескольких чересчур эксцентричных эскапад патрона, все, что я видел там, было чрезвычайно благоприятным, корректным и заслуживающим уважения».

Фейдо также с юмором отмечает «настойчивое, не оставляющее надежды, что оно когда-либо прекратится, шествие

толпы друзей трех полов – мужского, женского и нищенствующего».

Такой большой общий зал был во всех частных банках, будь то в Америке, Англии или во Франции. Но после Второй мировой войны, когда претерпели изменения нравы и методы работы, мои кузены и я выступили с инициативой сделать «большое бюро» залом собраний акционеров и заседаний совета банка.

На каждом столе ассоциированных членов располагалась целая батарея кнопок из слоновой кости от электрических звонков, позволявших связываться с руководителями служб, функции которых именовались таинственно «Портфель», «Гроссбух», «Ликвидация». Только один или два «высокопоставленных» служащих удостаивались чести увидеть свое имя под одной из кнопок. Среди всех этих реликтов устаревшей организации труда телефон вносил какую-то нотку современности, но функция его оставалась чисто декоративной, поскольку мой отец пользовался им чаще для того, чтобы через телефонистку связаться с кем-нибудь из служащих банка, нежели для звонков куда-либо вне его пределов.

* * *

В отличие от лондонских Ротшильдов, парижская ветвь нашей семьи, начиная с 1870 года, широко инвестировала капиталы в индустрию, и в особенности большие капитало-

вложения были в железные дороги, шахты, производство и распределение электроэнергии и конечно же – в нефть. Но и в этом тоже, должен констатировать, наш банк ограничивался лишь участием в управлении, не предпринимая каких-либо инициатив.

В том, что касается нефтяной отрасли, улица Лаффит следовала прихотливыми путями, которые привели к совершенно неожиданным результатам. По-видимому, на моего деда произвели сильное впечатление керосиновые лампы, и он сумел предвидеть глобальное расширение их применения. Он купил нефтяные скважины на Кавказе и поставил управлять ими небольшую группу людей, которые разместились на последнем этаже старого парижского здания банка. Сотрудники этой группы осуществляли свое руководство настолько добросовестно, вникая во все тонкости производства, что из Парижа они решали даже вопрос о премировании или, напротив, наказании кого-то из рабочих на Кавказе.

Результаты их деятельности оказались весьма неплохими, коль скоро в начале 1914 года голландская компания «Роял Датч» купила эти скважины, как мне говорили, в обмен на 10 % своего уставного фонда. Грянувшая через три года русская революция их вчистую разорила, скважины были конфискованы.

Лорд Детердинг, президент «Роял Датч», почему-то уверовал в то, что Ротшильды все заведомо предвидели и умышленно надули его, с неугасимой ненавистью он их преследо-

вал до самой своей смерти. Я прекрасно знаю, что только богатым дают деньги в долг, но наделять мою семью пророческим даром – это уже из области фантастики!..

Лишь одно событие вывело банк «Братья Ротшильды» из его вечной спячки, но это было событие исключительной важности.

После 1931 года вся Центральная Европа переживала тяжелейший экономический спад. Не миновала чаша сия и венский банк «Кредит Анштальт», возглавляемый моим кузеном Луи де Ротшильдом. Он имел неосторожность дать личное поручительство по долговым обязательствам «Амштель Банка», голландского филиала «Кредит Анштальт», который с наступлением кризиса прекратил выплаты. Мой отец ни секунды не колебался: к финансовой поддержке, пришедшей из Лондона, он присоединил помощь французской ветви семьи; потребовалась очень крупная сумма, чтобы оплатить все долги по обязательствам, взятым на себя Луи, и защитить честь и доброе имя нашей семьи.

Для расплаты с кредиторами «Амштель Банка» венские Ротшильды внесли залог в размере суммы его замороженных активов, которые были затем реализованы нашим банком, и когда в 1939 году вспыхнула война, все долги уже были полностью выплачены. На этот раз операция по спасению закончилась благополучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.